

Молчанов С.В.¹, Алмазова О.В.¹, Пряжников Н.С.¹ Взаимосвязь способов морального самооправдания личности со склонностью к риску в подростковом возрасте

Molchanov S.V.¹, Almazova O.V.¹, Priazhnikov N.S.¹ Interaction of moral disengagement mechanisms and risk appetite in adolescence.

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема морального самооправдания подростками агрессивного поведения и кибербуллинга приобретает актуальность в условиях широкого распространения этих явлений в интернет-среде. В теоретической модели моральной свободы (А. Бандура) представлены механизмы морального самооправдания личности при нарушении моральных норм. Цель исследования – изучение механизмов морального самооправдания у подростков с различной степенью склонности к риску. Были использованы методики «Механизмы отчуждения моральной ответственности» С. Мур (в адаптации Я.А. Ледовой и др.) и «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цукерман). Выборку составили 411 подростков в возрасте от 15 до 17 лет. Результаты: обнаружены предпочтения использования подростками механизмов морального самооправдания. Наиболее часто используются «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины», «моральное самооправдание», реже всего – «оправдательное сравнение». Выделена эмпирическая типология подростков с разными приоритетами в использовании механизмов морального самооправдания («пассивные пользователи», «искажение образа жертвы», «активные пользователи»). Доказано, что степень активности морального самооправдания связана с представлением о допустимости кибербуллинга. «Активные пользователи» значимо чаще считают допустимым использование кибербуллинга, чем «пассивные пользователи». Изучена связь особенностей рискованного поведения личности, в первую очередь нетерпимости к однообразию, с активностью использования морального самооправдания. Выявлены гендерные различия, свидетельствующие о большей выраженности использования механизмов морального самооправдания юношами по сравнению с девушками.

Ключевые слова: моральное развитие, механизмы морального самооправдания, склонность к риску, подростковый возраст

Введение

Проблемой настоящего исследования является изучение личностных особенностей подростков, обуславливающих обращение к моральному самооправданию в ситуации нарушения моральных и конвенциональных норм. Моральное развитие рассматривается как одна из ключевых задач развития подросткового и юношеского возраста. Подросток в ходе взаимодействия с различными социальными группами сталкивается с ситуациями морального выбора, создающими риски нарушения моральных норм [Молчанов, 2019]. Возрастание интенсивности девиаций в подростковом возрасте является традиционным для кризисного возрастного периода и усугубляется в современном обществе его транзитивностью и неопределенностью [Рождественская, 2016]. Девиантное поведение как открытое нарушение моральных и конвенциональных норм рассматривается как прямое следствие процессов десоциализации: проявление негативной социализации в форме отделения, противостояния и конфронтации с обществом, порождающее угрозу для социальных устоев и приводящее к снижению уровня адаптации личности к жизни общества [Змановская, 2004; Мудрик, 2010]. В современных исследованиях предлагаются различные классификации и типологии девиантного поведения подростков, изучены генезис, условия и факторы различных видов девиантного поведения [Змановская, 2004; Клейберг, 2007; Рождественская, 2016]. Вместе с тем анализ особенностей девиантного поведения в подростковом и юношеском возрасте должен учитывать специфику современной социальной ситуации развития, в которой все большее значение приобретают процессы информационной социализации, погруженности в дистантные формы общения посредством интернета и социальных сетей [Белинская, Тихомандрицкая, 2001]. Отдельные феномены девиантного поведения в реальном мире (например, буллинг) развиваются в виртуальном мире взаимоотношений (кибербуллинг), выступая источником психологической травматизации для их жертв и самих агрессоров [Войскунский, 2014; Солдатова, 2014].

Анализ факторов и условий генезиса девиантного поведения и разработки превентивных мер требует изучения стратегии и способов морального самооправдания личностью своего асоциального поведения, позволяющих сохранить высокую самооценку и самопринятие. Уровень морального развития субъекта определяет его способность к саморегуляции поведения в условиях морального выбора как столкновения и противоречивости различных моральных норм, мотивов и возможностей. В области исследования морального развития сложились теоретические подходы, объясняющие природу, условия и факторы морального развития, в том числе и

ситуативные факторы реализации девиантного, аморального поведения (Пиаже, 2019; Eisenberg, 1982; Gilligan, 1982; Higgins, 1996; Kohlberg, 1981; Rest et al, 1999; Turiel, 2002). Вместе с тем необходимо указать на явно недостаточное число исследований, рассматривающих проблему моральной саморегуляции в условиях нарастания девиантного поведения в подростковой среде, что определяет актуальность, научную новизну и практическую значимость исследования. Получившую широкое признание и востребованную как для науки, так и для практики модель морального самооправдания разработал А. Бандура. Автором были выделены восемь механизмов морального самооправдания, объединяемые в четыре группы: поведенческий локус, личностный локус субъекта поведения, локус переформулирования негативных последствий поведения, локус искажения образа жертвы [Bandura, 2015]. К механизмам морального самооправдания относятся моральное оправдание, речевой эвфемизм, оправдательное сравнение, распределение ответственности, диффузия ответственности, искажение последствий, дегуманизация жертвы, атрибуция вины [Bandura et al., 1996]. Моральное оправдание предполагает подтверждения на личном и социальном уровне правомерности и необходимости аморального поступка с признанием обоснованности причин нарушения моральных норм. Происходит реконструкция вредоносного поступка в необходимое позитивное действие. Речевой эвфемизм используется для вербального переформулирования осуществляемого действия. Новое название действия приводит к изменению восприятия ситуации и допустимости аморального действия. Оправдательное сравнение предполагает, что при этической оценке поступка важным становится выбор объекта для сравнения, осуществляющего еще более аморальное действие. Это позволяет воспринимать собственные действия как оправданные. Механизм распределения ответственности основан на выделении фигуры авторитета, которая принимает решение и берет на себя ответственность за совершаемое действие. В результате субъект действия воспринимает себя простым исполнителем, подчиняющимся решению другого человека. Механизм диффузии ответственности «распыляет» ответственность на всех людей, принимающих групповое решение и реализующих его. Механизм искажения последствий основан на минимизации или отрицании негативных последствий действия для жертвы с фокусировкой на выгоде реализуемого поведения. Механизм «дегуманизация» предполагает примитивизацию образа жертвы, вплоть до отказа ей в человеческих способностях чувствовать, переживать, думать. Механизм атрибуции вины основан на приписывании жертве вины за совершаемое с ней аморальное поведение. Свои действия рассматриваются как вынужденные и ответные, где провокатором назначается объективно пострадавшая сторона [Bandura et al, 1996; Молчанов, 2019].

Исследование механизмов «моральной свободы» как системы механизмов, оправдывающих

поведение, нарушающее моральные и социальные нормы, т.е. как механизмов, освобождающих личность от моральной ответственности за нарушение моральных норм, было реализовано в работах А. Бандуры и соавторов [Bandura, 1991]. Теоретическое значение обращения к модели механизмов морального самооправдания, разработанной А. Бандурой, в исследовании развития моральной саморегуляции личности обусловлено задачей изучения условий и факторов гетерогенности морального мышления [Krebs & Denton, 2005]. Был проведен цикл исследований различных видов нарушений моральных норм и девиаций, позволивший установить значение морального самооправдания в актуализации девиантного поведения – буллинга и агрессии в подростковом обществе [Bandura et al., 1996; Gini et al., 2013], неэтичного поведения в организациях [Moore et al., 2012], прием допинга в спортивных соревнованиях [Kavussani et al., 2016], поведение заключенных в тюрьмах [Wood et al., 2009]. Однако значение личностных особенностей подростков как фактора обращения к механизмам морального самооправдания исследовано не было. Рисковое поведение и склонность к риску как проявление неадаптивной активности (В.А. Петровский) рассматривается как психологическая особенность подросткового возраста, связанная с процессами самопознания и конструирования личностной идентичности в процессе исследования потенциала возможностей [Петровский, 2012; Эрикссон, 2006; Kroger et al., 2010; Marcia, 1993]. В то же время склонность к риску создает реальную возможность нарушения социальных границ и норм и соскальзывания к девиантному поведению [Ильин, 2012]. Мы предположили, что склонность к риску как проявление стремления подростков к трудностям, поиску новых впечатлений и острых ощущений при нетерпимости к однообразию, с высокой вероятностью приводящее к нарушению моральных норм, будет связана с высокой активностью использования ими способов морального самооправдания.

Целью нашего исследования стало изучение особенностей использования механизмов морального самооправдания у подростков с различной выраженностью склонности к риску. Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что выраженность склонности к риску подростков будет связана с более активным использованием механизмов морального самооправдания. Задачи включали: 1) выявление предпочитаемых подростками механизмов морального самооправдания и типов морального самооправдания; 2) изучение гендерных особенностей в использовании морального самооправдания; 3) изучение отношения к кибербуллингу подростков в зависимости от типа морального самооправдания; 4) исследование связи склонности личности к рисковому поведению и использованию морального самооправдания при нарушении моральных норм.

Методы

В ходе исследования были использованы две методики. Для выявления предпочитаемых механизмов морального самооправдания была использована методика отчуждения моральной ответственности С. Мур в адаптации Я.А. Ледовой, Р.В. Тихонова, О.Н. Боголюбовой, Е.В. Казенной, Ю.Л. Сорокиной [Ледовая, 2016]. Анализ склонности личности к рисковому поведению проводился на основании методики «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цукерман) [Ильин, 2012]. Методика отчуждения моральной ответственности направлена на выявление механизмов морального самооправдания (моральное оправдание, речевой эвфемизм, оправдательное сравнение, распределение ответственности, диффузия ответственности, искажение последствий, дегуманизация жертвы, атрибуция вины). Оценка использования каждого из перечисленных восьми механизмов морального отчуждения основывалась на степени согласия респондентов с тремя утверждениями, соответствующими каждому из механизмов. Использовалась 7-балльная шкала Ликерта. Методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» включает 40 утверждений. Испытуемый должен выразить свое согласие/несогласие в 3-балльной шкале. Методика содержит четыре шкалы: поиск острых ощущений; непереносимость однообразия; поиск новых впечатлений; неадаптивное стремление к трудностям. В ходе исследования подросткам также предлагалось ответить на вопрос «Согласны ли они, что кибербуллинг при определенных обстоятельствах может быть оправдан?», используя 4-балльную шкалу («да», «скорее да», «скорее нет», «нет»).

В исследовании приняли участие 411 подростков в возрасте от 15 до 17 лет ($M = 15,7$; $SD = 0,7$). Среди них 278 (67,6%) юношей и 133 (32,4%) девушки. Исследование проводилось в условиях добровольного согласия в групповой форме в московских среднеобразовательных школах с соблюдением принципа анонимности.

Результаты

Предпочитаемые механизмы и типы морального самооправдания

Была проведена проверка нормальности распределения по всем шкалам используемых методик во всех рассматриваемых подвыборках с помощью критерия Колмогорова – Смирнова. Проведенный анализ показал нормальность распределений, что позволило нам в дальнейшей

статистической обработке использовать параметрические критерии.

С учетом того, что инструментарий, направленный на оценку использования механизмов самооправдания, является новым при работе с подростковой аудиторией, первым шагом стала проверка внутренней надежности методики. В результате проверки было выявлено, что для всех механизмов отчуждения моральной ответственности данные являются приемлемыми или надежными (альфа Кронбаха для одного механизма (диффузия ответственности) – больше 0,5, для остальных – больше или близки к 0,75). Отличия наших результатов от данных, полученных авторами адаптации коллектива авторов во главе с Я.А. Ледовой, мы видим в том, что респонденты нашего исследования были младше: возрастные рамки участников нашего исследования составили 15–17 лет со средним значением возраста 15,7 года, возрастные рамки выборки коллектива авторов во главе с Я.А. Ледовой – 17–40 лет со средним значением возраста 19,5 года. Однако, учитывая, что значение альфы Кронбаха по всем вопросам методики у нас 0,889 и отдельно для каждой группы механизмов (поведенческий локус; личностный локус субъекта поведения, к которому относится механизм диффузии ответственности; локус переформулирования негативных последствий поведения; локус искажения образа жертвы) не меньше 0,8, мы считаем, что можем не исключать шкалу «диффузия ответственности» из дальнейшего рассмотрения.

В табл. 1 приведены средние и стандартные отклонения выраженности всех механизмов морального самооправдания как в целом по выборке, так и отдельно для юношей и девушек и результат проверки различий между оценками юношей и девушек (t-критерий для независимых выборок).

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у всей выборки, юношей и девушек, результат проверки различий оценок юношей и девушек

Выборка / Механизм самооправдания	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	М	SD	М	SD	М	SD	t	p
Моральное оправдание	3,48	1,22	3,68	1,23	3,06	1,09	4,956	<0,001
Речевой эвфемизм	2,78	1,09	2,88	1,10	2,57	1,06	2,731	0,007
Оправдательное сравнение	2,04	0,77	2,12	0,78	1,88	0,72	2,963	0,003
Распределение ответственности	2,58	1,15	2,61	1,19	2,51	1,05	0,808	0,419
Диффузия ответственности	2,75	1,09	2,88	1,11	2,48	0,98	3,579	<0,001
Искажение последствий	2,53	1,09	2,68	1,08	2,24	1,03	3,843	<0,001
Дегуманизация жертвы	3,80	1,29	3,94	1,30	3,51	1,23	3,174	0,002

Атрибуция вины	3,53	1,05	3,70	1,05	3,19	0,99	4,683	<0,001
----------------	------	------	------	------	------	------	-------	--------

И в целом по выборке, и отдельно для юношей и девушек, самая высокая выраженность наблюдается у таких механизмов самооправдания, как дегуманизация жертвы, атрибуция вины, моральное самооправдание, а самая низкая – у оправдательного сравнения. При помощи t-критерия для связанных выборок было выявлено, что для всей выборки средние значения оценки таких механизмов, как дегуманизация жертвы, атрибуция вины, моральное самооправдание, значимо выше, чем выраженность всех остальных механизмов, а выраженность оправдательного сравнения значимо ниже, чем выраженность всех остальных механизмов ($p < 0,05$).

У юношей выраженность всех механизмов самооправдания за исключением стратегии распределения ответственности значимо выше, чем у девушек.

При помощи корреляционного анализа, было выявлено, что оценки выраженности всех механизмов морального самооправдания связаны между собой (r – от 0,2 до 0,6, $p < 0,05$, коэффициент корреляции Пирсона), что косвенно свидетельствует о внутренней связанности рассматриваемого конструкта.

Воспользовавшись кластерным анализом (метод К-средних), на основе результатов опросника С. Мур (выраженность всех восьми механизмов морального самооправдания) были выделены три группы респондентов (кластера). Центры кластеров представлены в табл. 2, графически – рис. 1. При применении однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было установлено, что есть значимые различия в оценках всех механизмов самооправдания у респондентов из разных кластеров ($p < 0,001$), в связи с чем в дальнейшем мы можем говорить о типах моральной самооправдания.

Таблица 2

Центры кластеров – распределения респондентов по степени выраженности механизмов морального самооправдания и различия в оценках респондентов из разных кластеров

Тип / Механизм самооправдания	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Различия	
				F	p
Моральное оправдание	2,4	3,5	4,3	107,105	<0,001
Речевой эвфемизм	1,7	2,7	3,8	169,376	<0,001
Оправдательное сравнение	1,5	2,0	2,8	78,689	<0,001

Распределение ответственности	1,9	2,6	3,2	39,247	<0,001
Диффузия ответственности	1,7	2,6	3,8	205,624	<0,001
Искажение последствий	1,5	2,4	3,8	253,635	<0,001
Дегуманизация жертвы	2,7	4,0	4,6	83,830	<0,001
Атрибуция вины	2,6	3,6	4,3	100,103	<0,001
Кол-во респондентов (в %)	27,0%	44,3%	28,7%		

Тип 1 (27,0% респондентов) проявляет наименьшую активность в использовании механизмов морального самооправдания. В случаях использования наиболее часто прибегают к моральному сравнению и стратегиям искажения образа жертвы (дегуманизация жертвы, атрибуция вины). Обозначим эту группу как группу, неактивно использующую стратегии морального самооправдания (пассивные пользователи).

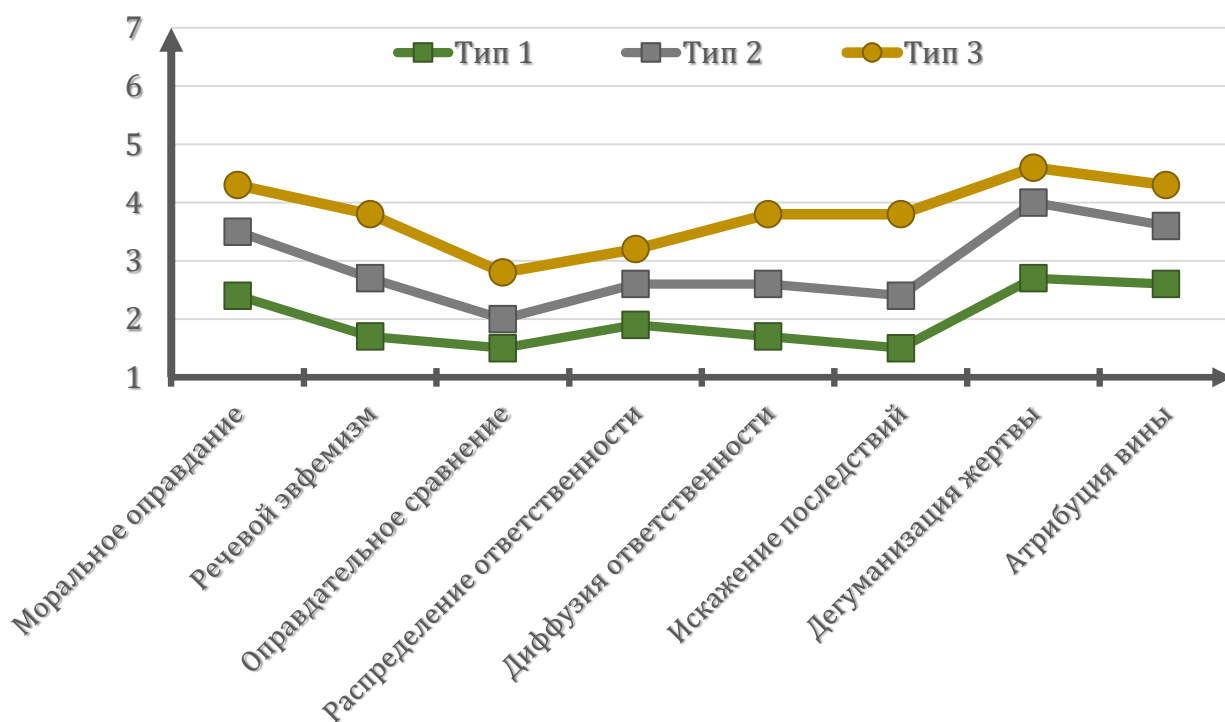

Рис. 1. Центры кластеров по оценкам выраженности использования механизмов морального самооправдания

Тип 2 (44,3% участников исследования) демонстрируют средний уровень активности в обращении к механизмам морального самооправдания. Чаще всего респонденты этой группы используют стратегии искажения образа жертвы – дегуманизацию и атрибуцию вины, а также

моральное сравнение. Обозначим эту группу как группу, ориентированную на искажение образа жертвы (искажение образа жертвы).

Тип 3 (28,7% подростков) активнее остальных групп респондентов используют все механизмы морального самооправдания. Обозначим эту группу как группу активных пользователей стратегиями морального самооправдания (активные пользователи).

Гендерные различия предпочтений типа морального самооправдания

В табл. 3 представлено распределение юношей и девушек по выделенным типам морального самооправдания. Девушки чаще бывают пассивными пользователями, тогда как юноши – активные пользователи.

При помощи критерия χ^2 установлено, что есть связь между полом и принадлежностью подростков к определенному типу ($\chi^2 = 24,986$ при $p < 0,001$, сила эффекта V Cramer's – 0,247), то есть юноши значимо чаще бывают активными, а девушки – пассивными пользователями механизмов морального самооправдания.

Таблица 3

Распределение юношей и девушек по типам морального самооправдания

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Юноши	56 (20,3%)	126 (45,5%)	95 (34,3%)	277 (100,0%)
Девушки	55 (41,4%)	56 (42,1%)	22 (16,5%)	133 (100,0%)
Всего	111 (27,0%)	182 (44,3%)	117 (28,5%)	410 (100,0%)

Допустимость кибербуллинга в зависимости от типа морального самооправдания

Изучение механизмов морального самооправдания в эпоху информационного общества и применения новых коммуникационных технологий представляется особенно актуальным для понимания оправдания агрессии в условиях широкого распространения явлений буллинга и кибербуллинга в социальных сетях в подростковой возрастной группе. Участникам исследования задавали вопрос: «Согласны ли вы, что кибербуллинг при определенных обстоятельствах может быть оправдан?» В табл. 4 представлено распределение ответов на этот вопрос у респондентов, обнаруживших различные типы морального самооправдания.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос о допустимости кибербуллинга в зависимости от типа морального самооправдания

Ответ / Тип МСО	«Да» или «Скорее да»	«Скорее нет»	«Нет»	Всего
Пассивные пользователи	5 (4,5%)	27 (24,3%)	79 (71,2%)	111 (100,0%)
Искажение образа жертвы	16 (8,9%)	80 (44,0%)	86 (47,3%)	182 (100,0%)
Активные пользователи	29 (25,2%)	51 (44,3%)	35 (30,4%)	115 (100,0%)
Всего	50 (12,3%)	158 (38,7%)	200 (49,0%)	408 (100,0%)

При помощи критерия χ^2 установлено, что есть связь между ответом на вопрос о допустимости кибербуллинга и типом обращения к моральному самооправданию ($\chi^2 = 50,489$ при $p < 0,001$, сила эффекта V Cramer's – 0,352). Активные пользователи механизмов морального самооправдания значимо чаще считают допустимым использование кибербуллинга, чем пассивные пользователи, что является подтверждением нашего предположения о связи использования механизмов морального самооправдания с отношением подростков к допустимости кибербуллинга.

Связь склонности к рискованному поведению и предпочтения типа морального самооправдания

Следующим шагом являлось выявление личностных черт, связанных с использованием тех или иных механизмов морального самооправдания.

Методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» М. Цукерман [Ильин, 2012] направлена на оценку склонности подростков к риску. В опросник включено четыре шкалы: поиск острых ощущений (ПОО), непереносимость однообразия (НО), поиск новых впечатлений (ПНВ), неадаптивное стремление к трудностям (НСТ).

При помощи t-критерия для связанных выборок было установлено, что оценки по шкалам «Поиск острых ощущений» и «Неадаптивное стремление к трудностям» значимо выше, чем

оценки по шкалам «Непереносимость однообразия» и «Поиск новых ощущений»; оценки по шкале «Поиск новых ощущений» значимо ниже, чем по всем остальным шкалам ($p < 0,05$).

В табл. 5 приведены средние и стандартные отклонения оценок склонности к риску как в целом по выборке, так и отдельно для юношей и для девушек и результат проверки различий между оценками юношей и девушек (t-критерий для независимых выборок).

Таблица 5

Средние и стандартные отклонения оценок склонности к риску у всех подростков отдельно для юношей и девушек, значимость различий между ними

Выборка / Шкала склонности к риску	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	М	SD	М	SD	М	SD	T	p
Поиск острых ощущений	20,25	4,74	20,09	4,81	20,57	4,60	-0,958	0,339
Непереносимость однообразия	19,71	2,72	19,88	2,60	19,37	2,94	1,784	0,075
Поиск новых впечатлений	17,60	2,91	17,49	2,93	17,83	2,86	-1,098	0,273
Неадаптивное стремление к трудностям	20,44	3,01	20,23	2,98	20,87	3,04	-2,034	0,043

Оценки выраженности неадаптивного стремления к трудностям у девушек значимо выше, чем у юношей. По другим шкалам нет значимых различий в оценках юношей и девушек.

В табл. 6 представлены средние и стандартные отклонения оценок шкал склонности к риску для подростков из разных типов морального самооправдания и приведен результат проверки значимости различий в оценках.

Таблица 6

Средние и стандартные отклонения оценок склонности к риску у подростков из разных типов МСО, значимость различий между ними

Тип МСО / Шкала склонности к риску	Пассивные пользователи		Искажение образа жертвы		Активные пользователи		Различия	
	М	SD	М	SD	М	SD	F	p
Поиск острых ощущений	19,44	5,26	20,61	4,52	20,49	4,47	2,310	0,101
Непереносимость однообразия	18,97	2,46	19,82	2,86	20,26	2,62	6,748	0,001
Поиск новых впечатлений	17,23	2,99	17,62	2,78	17,92	3,01	1,651	0,193
Неадаптивное стремление к трудностям	21,20	2,85	20,21	3,11	20,12	2,86	4,810	0,009

Есть значимые различия в оценках по шкалам «Непереносимость однообразия» и «Неадаптивное стремление к трудностям» у подростков из кластеров, различающихся по типу МСО. Используя тест Тьюки (метод множественных сравнений), мы выявили различия по склонности к рисковому поведению между респондентами групп с разными типами морального самооправдания:

- 1) у подростков из группы 1 типа МСО (пассивные пользователи) оценки по непереносимости однообразия значимо ниже, чем у подростков из группы 2 типа МСО (искажение образа жертвы) ($MD = -0,846$; $p = 0,025$) и из группы 3 типа МСО (активные пользователи) ($MD = -1,283$; $p = 0,001$);
- 2) у подростков из группы 1 типа МСО (пассивные пользователи) оценки по неадаптивному стремлению к трудностям значимо выше, чем у подростков из группы 2 типа МСО (искажение образа жертвы) ($MD = 0,984$; $p = 0,017$) и из группы 3 типа МСО (активные пользователи) ($MD = 1,079$; $p = 0,018$).

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования позволили впервые в отечественной психологии выделить наиболее предпочитаемые подростками механизмы морального самооправдания, а именно «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины», «моральное самооправдание». Полученные данные хорошо согласуются с результатами исследований зарубежных психологов, которые отмечают активное использование механизмов дегуманизации жертвы, перекалывания ответственности, морального самооправдания в подростковой среде (Bandura et al., 1996; Cairns et al., 1988; Dishion, 1990). Выделенные на основе кластерного анализа типы морального самооправдания также свидетельствуют о том, что стратегия искажения образа жертвы, основанная на использовании механизмов дегуманизации жертвы и атрибуции вины, является наиболее распространенной среди обследованной нами выборки (44% респондентов). В исследованиях Н. Айзенберг, М. Хоффмана, реализующих интегративный подход к анализу морального развития, эмпатия рассматривается как ключевой механизм моральной саморегуляции (Eisenberg et al., 2010; Hoffman, 2000). Частое обращение к стратегии искажения образа жертвы может быть объяснено как рационализация отказа нарушителя моральных норм в эмпатии и сопереживании партнеру по взаимодействию. Факт предпочтения данного типа мо-

рального самооправдания является еще одним свидетельством значения эмпатии и эмоциональной идентификации с партнером как механизма усвоения моральных норм и становления моральной саморегуляции [Eisenberg and Morris, 2001].

Наше исследование было направлено на верификацию гипотезы о связи выраженности склонности к риску подростков с активностью использования механизмов морального самооправдания. Для изучения указанной связи был проведен корреляционный анализ оценок, полученных по двум методикам – методике «Механизмы отчуждения моральной ответственности» и методике «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (коэффициент корреляции Пирсона). На рис. 2 приведена соответствующая корреляционная плеяда. Обычными линиями обозначены прямые связи, пунктиром – обратные.

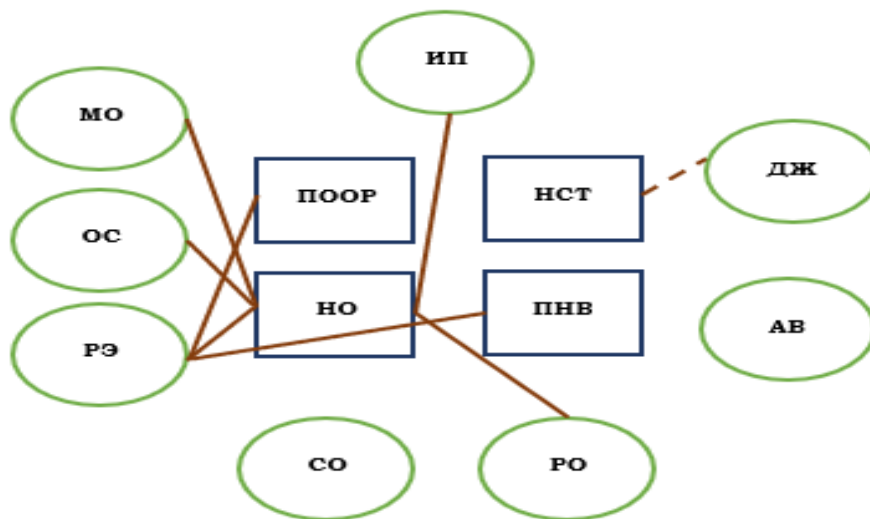

Рис. 2. Корреляционная плеяда выраженности механизмов морального самооправдания и оценок склонности к риску

Примечания. МО – моральное оправдание, РЭ – речевой эвфемизм, ОС – оправдательное сравнение, СО – диффузия ответственности, РО – распределение ответственности, ИП – искажение последствий, ДЖ – дегуманизация жертвы, АВ – атрибуция вины; ПОО – поиск острых ощущений, НО – непереносимость однообразия, ПНВ – поиск новых впечатлений, НСТ – неадаптивное стремление к трудностям (НСТ).

Оценки по шкале «Непереносимость однообразия» коррелируют с выраженностью пяти из восьми механизмов морального самооправдания, что свидетельствует о значимости этой характеристики склонности к риску для активного обращения личности к моральному самооправданию. Выраженность механизма речевого эвфемизма в свою очередь связана с оценками наибольшего числа (3) характеристик склонности к риску. Отметим также обратную связь между выраженностью механизма дегуманизация жертвы и оценками неадаптивного

стремления к трудностям. Другими словами, если личности свойственно стремление к трудностям неадаптивного характера, то снижается частота обращения к такому механизму самооправдания, как дегуманизация жертвы. Таким образом, научная новизна полученных результатов определяется тем, что выявлена взаимосвязь между отдельными параметрами склонности личности к риску, в первую очередь нетерпимости к однообразию, и активностью в использовании конкретных механизмов морального самооправдания.

Ограничением выводов настоящего исследования, как и большинства исследований морального развития, является изучение предполагаемого, но не реального морального поведения респондента, что потребовало бы перехода к организации экологически валидного эксперимента, моделирующего ситуацию реального нарушения моральных норм [Bronfenbrenner, 2005]. Перспективы мы видим в разработке системы кейсов, представляющих моральные дилеммы как в вербальном, так и в реальном формате [Podolskiy, 2005].

Выводы

1. При обращении к моральному самооправданию подростки предпочитают использовать такие механизмы самооправдания, как дегуманизация жертвы, атрибуция вины, моральное самооправдание. Наиболее редко используется оправдательное сравнение.
2. Создана эмпирическая типология в зависимости от активности использования морального самооправдания и предпочтения различных типов самооправдания, включающая типы «пассивные пользователи», «искажения образа жертвы», «активные пользователи». Показано, что подростки из группы «активные пользователи» в наибольшей степени проявляют готовность признать допустимость кибербуллинга в коммуникации.
3. Гендерные различия использования механизмов самооправдания находят проявление в том, что выраженность всех механизмов морального самооправдания, за исключением стратегии распределения ответственности, значимо выше у юношей, чем у девушек.
4. Выделены особенности рискованного поведения, связанные с предпочтением механизмов морального самооправдания. Выращенность такой личностной характеристики, как нетерпимость к однообразию, связана с высокой активностью использования подростками механизмов морального самооправдания.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,

Литература

Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект-Пресс, 2001.

Войсунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.

Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). 3-е изд., М.: Издательский центр «Академия», 2004.

Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012.

Клейберг Ю. Девиантология: Хрестоматия. М.: Речь, 2007.

Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 23–39.

Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 60–70.

Мудрик А. В. Социализация человека. 3-е изд. М.: МПСИ, 2010.

Петровский В.А. Активная неадаптивность, или Человек над ситуацией // В кн.: Методология психологии: проблемы и перспективы / Под общ. ред.: В.П. Зинченко; науч. ред.: Т.Г. Щедрина. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. Гл. 2. С. 305–362.

Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2019.

Рождественская Н.А. Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков. М.: Генезис, 2015.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. № 3(15). С. 39–51.

Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006.

Bandura A. Social cognitive theory of moral thought and action. // In W.M. Kurtines, J.L. Gewirtz (Eds.), Handbook of moral behaviour and development, 1991, vol. 1, 45–103. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 1996, 67(3), 1206–1222. DOI: 10.2307/1131888.

Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY:Worth, 2015.

Bronfenbrenner U. (Ed.). *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development*. Sage Publications Ltd., 2015.

Eisenberg N. *The development of prosocial behavior*. Academic Press, 1982.

Eisenberg N., Eggum N.D. & Di Giunta L. Empathy-related Responding: Associations with Prosocial Behavior, Aggression, and Intergroup Relations. *Social Issues Policy Review*, 2010, 4(1), 143–180. DOI:10.1111/j.1751–2409.2010.01020.x.

Eisenberg N. & Morris A. The Origins and Social Significance of Empathy-Related Responding. A Review of Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice by M. L. Hoffman. *Social Justice Research*, 2001, No 14, 95–120. <https://doi.org/10.1023/A:1012579805721>.

Gilligan C. In *A Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, 1982.

Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior. *Aggressive Behavior*, 2013, 40(1), 56–68. DOI: 10.1002/ab.21502.

Higgins A. Moral education as an historical/political/social science. *Journal of Moral Education*, 1996, No 25, 57–66. <https://doi.org/10.1080/0305724960250106>.

Hoffman M.L. *Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511805851>.

Kavussanu M., Hatzigeorgiadis A., Elbe A.-M., Ring C. The moral disengagement in doping scale. *Psychology of Sport and Exercise*, 2016, No 24, 188–198. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2016.02.003>.

Kohlberg L. *The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice*. Harper & Row, 1981.

Krebs D.L., Denton K. Toward a more pragmatic approach to morality: a critical evaluation of Kohlberg's model. *Psychological Review*, 2005, 112(3), 629–649. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.3.629>.

Kroger J., Martinussen M., Marcia J.E. Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*, 2010, 33, 683–698. DOI: 10.1016/j.adolescence.2009.11.002.

Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L. *Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research* Springer, New York, NY, 1993.

Moore C. Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 2015, No 6, 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>.

Podolskiy O. Investigating new Ways to Study Adolescent Moral Competence. *Europe's Journal of Psychology*, 2005, 1(4). <https://doi.org/10.5964/ejop.v1i4.380>.

Rest J.R., Narvaez D., Bebeau M., Thoma S. *Postconventional Moral Thinking: A Neo-Kohlbergian Approach*. Mahweh, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1999.

Turiel E. *The Culture of Morality: Social Development, Context, and Conflict*. Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613500>.

Wood J., Moir A., James M. Prisoners' gang-related activity: the importance of bullying and moral disengagement. *Psychology, Crime, Law*, 2009, 15(6), 569–581. <https://doi.org/10.1080/10683160802427786>.

Поступила в редакцию 30 сентября 2020 г. Дата публикации: 31 декабря 2020 г.

Сведения об авторах

Молчанов Сергей Владимирович. Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: s-molch2001@mail.ru

Алмазова Ольга Викторовна. Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: almaz.arg@gmail.com

Пряжников Николай Сергеевич. Доктор педагогических наук, профессор, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: nsp-22@mail.ru

Ссылка для цитирования

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Пряжников Н.С. Взаимосвязь способов морального самооправдания личности со склонностью к риску в подростковом возрасте // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 74. С. 3. URL: <http://psystudy.ru>

Адрес статьи

<http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n74/1816-molchanov74.html>

Molchanov S.V.¹, Almazova O.V.¹, Priazhnikov N.S.¹ Interaction of moral disengagement mechanisms and risk appetite in adolescence

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The problem of moral disengagement within aggressive behavior and cyberbullying among adolescents is getting more attention relevant as these actions become widespread on the Internet. In the model of moral freedom A. Bandura introduced moral disengagement mechanisms emerging when moral norms are violated. The present study aimed to investigate moral disengagement mechanisms in adolescents with different levels of risk-taking. Two questionnaires were used: The Moral Disengagement scale by S. Moore and The Sensation Seeking Scale by M. Zuckerman. The study comprised 411 adolescents aged 15 to 17 years. It was found that the most used moral disengagement mechanisms by adolescents are dehumanization, attribution of blame and moral justification. The mechanism of advantageous comparison is the least common. Different clusters of adolescents were distinguished depending on the degree of moral disengagement use: passive users, active users and victim image distortion. Degree of the moral disengagement use was shown to relate to one's idea of cyberbullying admissibility. In particular, active users significantly more often considered cyberbullying to be acceptable compared to the passive users. The relationship between risky behavior, specifically intolerance to monotony and active use of moral disengagement was shown. With respect to gender differences, moral disengagement was employed more often by males rather than females.

Keywords: moral development, moral disengagement mechanisms, risk appetite, adolescence.

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-013-00823 A.

References

- Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti*. M.: Aspekt-Press, 2001. (in Russian)
- Erikson E. *Identichnost'. Yunost' i krizis*. Flinta, MPSI, Progress, 2006. (in Russian)
- Kleiberg Yu. *Deviantologiya: Khrestomatiya*. M.: Rech', 2007. (in Russian)
- Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Yu.L. *Otchuzhdenie moral'noĭ otvetstvennosti: psikhologicheskiĭ konstrukt i metody ego izmereniya* // *Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika*, 2016, No. 4, 23–39. (in Russian)
- Il'in E.P. *Psikhologiya riska*. SPb.: Piter, 2012. (in Russian)
- Molchanov S.V. *Moral'noe samoopravdanie kak mif «moral'noi svobody» lichnosti* // *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2019, 3(35), 60–70. (in Russian)
- Mudrik A.V. *Sotsializatsiya cheloveka*. 3-e izd. M.: MPSI, 2010. (in Russian)
- Petrovskii V.A. *Aktivnaya neadaptivnost' ili Chelovek nad situatsiei* // *V kn.: Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy* / Pod obshch. red.: V.P. Zinchenko; nauch. red.: T.G. Shchedrina. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012, gl. 2, 305–362. (in Russian)
- Piazhe Zh. *Moral'noe suzhdenie u rebenka*. M.: Akademicheskii proekt, 2019. (in Russian)
- Rozhdestvenskaya N.A. *Deviantnoe povedenie i osnovy ego profilaktiki u podrostkov*. M.: Genezis, 2015. (in Russian)
- Soldatova G.U., Rasskazova E.I. *Bezopasnost' podrostkov v Internetе: riski, sovladanie i roditel'skaya mediatsiya* // *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2014, 3(15), 39–51. (in Russian)
- Voiskunskii A.E. *Sotsial'naya pertsepsiya v sotsial'nykh setyakh* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2014, No. 2, 90–104. (in Russian)
- Zmanovskaya E.V. *Deviantologiya (psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya)*. 3-e izd., M.: Akademiya, 2004. (in Russian)
- Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. NY:Worth, 2015.

Bandura A. Social cognitive theory of moral thought and action. In W.M. Kurtines, J.L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behaviour and development*, 1991, vol. 1, 45–103. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 1996, 67(3), 1206–1222. DOI: 10.2307/1131888.

Bronfenbrenner U. (Ed.). *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development*. Sage Publications Ltd., 2015.

Eisenberg N., Morris A. The Origins and Social Significance of Empathy-Related Responding. A Review of Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice by M. L. Hoffman. *Social Justice Research*, 2001, No 14, 95–120. <https://doi.org/10.1023/A:1012579805721>.

Eisenberg N. *The development of prosocial behavior*. Academic Press, 1982.

Eisenberg N., Eggum N.D., Di Giunta L. Empathy-related Responding: Associations with Prosocial Behavior, Aggression, and Intergroup Relations. *Social Issues Policy Review*, 2010, 4(1), 143–180. DOI:10.1111/j.1751–2409.2010.01020.x.

Gilligan C. In *A Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, 1982.

Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior. *Aggressive Behavior*, 2013, 40(1), 56–68. DOI: 10.1002/ab.21502.

Higgins A. Moral education as an historical/political/social science. *Journal of Moral Education*, 1996, No 25, 57–66. <https://doi.org/10.1080/0305724960250106>.

Hoffman M.L. *Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511805851>.

Kavussanu M., Hatzigeorgiadis A., Elbe A.-M., Ring C. The moral disengagement in doping scale. *Psychology of Sport and Exercise*, 2016, No. 24, 188–198. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2016.02.003>.

Kohlberg L. *The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice*. Harper & Row, 1981.

Krebs D.L., Denton K. Toward a more pragmatic approach to morality: a critical evaluation of Kohlberg's model. *Psychological Review*, 2005, 112(3), 629–649. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.3.629>.

Kroger J., Martinussen M., Marcia J.E. Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*, 2010, 33, 683–698. DOI: 10.1016/j.adolescence.2009.11.002.

Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L. *Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research* Springer, New York, NY, 1993.

Moore C. Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*. 2015, No 6, 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>.

Podolskiy O. Investigating new Ways to Study Adolescent Moral Competence. *Europe's Journal of Psychology*, 2005, 1(4). <https://doi.org/10.5964/ejop.v1i4.380>.

Rest J.R., Narvaez D., Bebeau M., Thoma S. *Postconventional Moral Thinking: A Neo-Kohlbergian Approach*. Mahweh, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1999.

Turiel E. *The Culture of Morality: Social Development, Context, and Conflict*. Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613500>.

Wood J., Moir A., James M. Prisoners' gang-related activity: the importance of bullying and moral disengagement. *Psychology, Crime, Law*, 2009, 15(6), 569–581. <https://doi.org/10.1080/10683160802427786>.

Information about authors

Molchanov Sergey V. PhD in Psychology, assistant professor, associate professor at the faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, ul. Mohovaya, 11/9, 125009 Moscow, Russia.

E-mail: s-molch2001@mail.ru

Almazova Olga V. PhD in Psychology, assistant professor, associate professor at the faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, ul. Mohovaya, 11/9, 125009 Moscow, Russia.

E-mail: almaz.arg@gmail.com

Priazhnikov Nikolay S. Doctor of Pedagogy, professor, professor at the faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, ul. Mohovaya, 11/9, 125009 Moscow, Russia.

E-mail: nsp-22@mail.ru

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Пряжников Н.С. Взаимосвязь способов ...

For citation: Molchanov S.V., Almazova O.V., Priazhnikov N.S. Interaction of moral disengagement mechanisms and risk appetite in adolescence. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2020, Vol. 13, No. 74, p. 3. <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English).